

Юрий Благовещенский

Щербатая клинопись

Я – щербатая клинопись,
Непрочтенная,
На скале,
Я – сто тысяч раз
Погребенная, –
Поклонитесь моей
Земле...

Сэда Вермишева
«Наскальный орнамент» (стихи),
Ереван, «Советакан грох», 1988,

Слово – это не столько знак вещи и не столько имя для предмета, явления или чувства, сколько средоточие человеческого бытия с его прошлым, настоящим и будущим, – пространство, время и мысль, связанные в один звучащий ритм бьющегося сердца. На каком бы языке не писал Поэт, он всегда пишет на языке любви и гнева, на языке скорбного потрясения горем, на языке своей собственной души, – души, пронизываемой смертоносным излучением из эпицентров человеческих трагедий, души, впитывающей и слабые токи ночного вздоха и мощные сполохи ничего не щадящей совести...

Сэда Вермишева пишет свои стихи на русском языке, но язык ее стихов всей своей геной наследственностью, сокровенной сущностью является армянским и по духу, и по глубинным корням сочленения слов в метафору, в звучащий аккорд смыслов...

Земля – с ладонь,
Возможностей – с мизинец.
А кровь крепка,
Как нашатырь...
Куда идешь ты,
Древний урартиец?
Боль прошлого – слепец,
Не поводырь...

Собственно, большего о Поэте и не надо говорить, – достаточно сказать, что он – Поэт. И все-таки стихи конкретного человека, в конкретной книге и в конкретное время – это и еще некоторое событие, со-бытие с другими стихами, с другим временем, другими людьми. Стихи – это еще и фрагмент жизни в пространстве Слова.

Для того, чтобы посмотреть на это событие под названием «Наскальный орнамент», подобрать ключ к сокровенным глубинам, из которых прорастают стихи Сэды Вермишевой, нужно сначала в себе самом различить два понятия, услышать отдельно и вместе текущие струи: «армянская нация» и «армянский народ». А сделать это очень непросто, поскольку вплетены эти два потока друг в друга, скручены в один узел, который нельзя развязать.

В стихах Сэды Вермишевой – острое чувство отчего дома, устремления и помыслы армянского народа, органическая общность с ним, с исторической проблематикой армянской нации.

Но вслушайтесь – высокая и чистая струна ее стихов, звенящая от сопричастности со всеми многовековыми испытаниями Армении, постижения ее духа, личностного богатства народа, его национального достоинства и самосознания, никогда, даже в самых дальних обертонах своего звучания не соприкасается с дребезжающим звуком национальной гордыни или тщеславия замкнутого само на себя!

...Но мир таков,
Что в мире нужно быть.
И осознать себя,
И обозначить...
Мне нужно истин свет
Для Родины добыть,
А не из нор глухих
О них судачить...

И одновременно – неотторжимость от всех, от каждого человека и от всех вместе.

Уйти. Уехать. Далеко.
От всех ничтожных – отделиться.
Уплыть, отчалить, ров водой – залить,
От стад – отбиться...
Но пестовать тогда – кого?
Кого любить?
О ком молиться?..

Личностное восприятие всего, что вокруг, даже не восприятие, а возложение на себя, на плечи и душу свою всего мира, – характерный атрибут почти всех стихов Сэды Вермишевой...

В себя так долго, так упорно веря
Я не успела ничего посметь.
О как страшна мне сил моих потеря...
Во мне течет разбавленная смерть!..
И оттого в душе моей разлады.
По всем пластам разлома гул идет...
Но голову поднять
Мне все-таки так надо!..
И втиснуть кляп в неправды красный рот!..

Но и этот взгляд в целом (хочется сказать – «сверху», но точнее – «снизу», как с земли на плывущие облака) не дает представления о персонализации поэта, его идентификации среди множества других. Естественно, что ниже я даю свою версию и не претендую на большее, лишь надеюсь, что выхватываю из бесконечного числа интерпритаций не самую неинтересную.

Поэт – это прежде всего трагедия, трагедия несовместимости земного и неземного. Так, Лермонтов (весь Лермонтов!) – это «когда Земля уже противна, а небо еще недоступно» (Рильке). У Сэды Вермишевой земное и неземное сплетаются в один миф, в мифологию слова, идущую от первоощущения звука, его первоначального «детского» восприятия. Так, в Созвездии Псов у нее важнее всего Псы, реально-мифические гончие псы, преследующие космическую добычу; так, в строках: «страна моя, который век обоз твой тянется из лета в лето? Подножный корм жуют твои волы, стекает свет и глохнет свет поэта?..» жующие волы – не только миф, не только метафора, это опять-таки очень конкретные «безразлично-жующие» волы на выжженных нагорьях Армении. И вот эта конкретность, конечнозначность мифа, переключение бесконечного внимания с бога вообще, с Космоса как такового на бога-мифа, бога-советчика, или бога-соперника (сверхкощунство для религии, но трагически-возможно, героически-допустимо для мифа: вызвать на соревнование Апполона, например) кажется мне характерной сущностью, внутренним стержнем всего сборника, всех его плюсов и минусов. Отсюда, из мифа, из мифологизации пространства слов и вытекает трагическое стихов, трагедия поэтического «я», поскольку миф исключает бесконечность, заключает ее в сосуд и запечатывает сургучной печатью имени: Зевс (или любое другое) а поэзия (и жизнь тем более) – сама бесконечность, смысловая неисчерпаемость, открытость к новым именам. И потому – лишь мифологизирующий источник ослабеваешь, появляется лирика в себе (для себя) подобная капле воды, на которую не хватило Солнца. («Снова имя твоё – из вечности...», стр. 96), или появляется «вселенная вообще», вне человека, вне этического динамизирования («И все-таки есть прорыв в неизвестность, прорыв в беспредельность...» стр. 157). Но таких «сбоев» в сборнике совсем немного, а много запоминающейся лирики, задевающих разум и душу, раздумий о месте человека среди других людей и перед лицом всего Космоса, который одновременно является глубинным содержанием самого человека, его души, его бога... Главенствует ощущение истинности, настоящей поэзии, сопричастности ее самому духу армянского народа; атмосферы горного воздуха, в котором совершается трагическое и радостное, единичное и всеобщее... Судите сами:

Вновь сердце распахнется
И примет целый мир, —
Весну, поляну, солнце,
Дорогу, монастырь.
И белые отары пасущихся овец,
И все, что завещал мне
(всей жизнью!)
Мой отец.
И все, что подарила
В свеченьи тихом мать,
И все, что невозможно
Отдать иль потерять...

Я снова обретаю
Всю ширь своих страстей...
К ногам ложится поле
Судьбы
Моих детей...

И сквозь весь сборник стихов, через всю поэзию Сэды Вермишевой течет волна раздачи, дарения, саморастраты, единственного чистого источника поэзии...

Огромен мир...
Объять не станет сил...
О, умереть бы мне в предмете каждом!..
Чтоб он лишь мною жил,
Чтоб он меня лишь жаждал,
Чтоб обо мне у вечности просил...